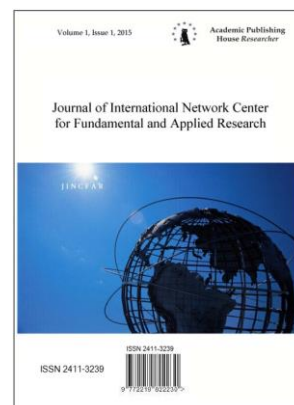

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-3239
E-ISSN 2413-7588
Vol. 7, Is. 1, pp. 4-14, 2016

DOI: 10.13187/jincfar.2016.7.4
www.ejournal36.com

Articles and Statements

UDC 94

"They Came to Professor K. at Dawn...": Searches And Arrests as Perceived by the Academic Intelligentsia of Southern of Russia (the Beginning of the 1920's.)

Anna N. Ereemeeva

Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachov,
Southern branch, Russian Federation
Dr. (History), Professor

Abstract

The article is devoted to the peculiarities of emotional perception of the repressive policies of the Soviet government. The object of the research is the academic intelligentsia of Southern Russia in the first years after the Civil War. The study is based on sources of personal origin and business documents, many of which – materials of the central and regional archives introduced into the science for the first time.

The author reconstructs individual ways of preventing purges as well as solidarity practices of protecting those scientists who had been subjected to searches, confiscation of property, and arrests. Particular attention is drawn to the contents of letters to the competent authorities. It is important to understand the emotional standards of the academic community in the beginning of the 1920's.

Keywords: academic intelligentsia, Southern Russia, 1920-1922, searches, arrests, emotional perception, protection practices.

Введение

Различные аспекты жизнедеятельности столичных и провинциальных ученых в первое постреволюционное десятилетие, их непростые взаимоотношения с властью не раз становились предметом исследования историков и науковедов. В фокусе данной статьи – особенности эмоционального восприятия репрессивной политики. Объектом исследования выступает научная интеллигенция Юга России – региона, где советская власть окончательно установилась в 1920 г. Практики воздействия на ученых, в т.ч. репрессивные, к тому времени уже были опробованы, прежде всего, в научных и образовательных столицах – Петрограде и Москве.

Материалы и методы

Статья базируется, главным образом, на источниках личного происхождения. Среди опубликованных выделим отрывки воспоминаний известного историка и политика В.А. Мякотина «Из недалекого прошлого», печатавшиеся в 1923–1925 гг. в журнале

«На чужой стороне» (Берлин-Прага), воспоминания Л.Б. Твелькмейер – дочери выдающегося ученого, изобретателя телевизионной связи Б.Л. Розинга, изданные в 2008 г.

Большую ценность имеют пока еще не введенные в научный оборот документы фонда ботаника и физиолога В.М. Арциховского (отца А.В. Арциховского – первооткрывателя, издателя и комментатора берестяных грамот), хранящиеся в Архиве Российской академии наук. Это дневниковые записи 1921 г. жены В.М. Арциховского – врача Е.Г. Арциховской «В Новочеркасске» и ее же воспоминания, стилизованные под художественное произведение – «Страшный год», написанные в 1925 г. Фамилии и имена персонажей вымышленные, но все имели реальных прототипов (например, профессор Николай Павлович Дымов – это профессор Владимир Мартынович Арциховский). Основные сюжеты «Страшного года» – голод на Дону в 1921-1922 гг. и репрессии со стороны власти.

Использованы хранящиеся в этом же архиве воспоминания академика К.Н. Скрябина и письма профессоров вузов Новочеркасска в Петроград академику А.Е. Ферсману.

Репрезентативна делопроизводственная документация – протоколы заседаний, входящая и исходящая переписка вузов Екатеринодара–Краснодара, Ростова-на-Дону, Новочеркасска, анкеты сотрудников, обращения ректоров, отдельных ученых, студентов в партийные, профсоюзные, государственные инстанции. Данные документы хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории, Государственном архиве Ростовской области, Государственном архиве Краснодарского края.

В качестве методов исследования применены реконструктивный, сравнительно-исторический, герменевтический. «Досье доступных источников», представляющее «голоса» многих представителей своеобразного «эмоционального сообщества» (терминология Б. Розенвейн [1]) – вузовской профессуры, дает возможность понять особенности эмоционального восприятия репрессивных действий власти.

Обсуждение

Первая мировая война, революция и Гражданская война специфически воздействовали на ситуацию в научно-образовательной сфере Юга России. Эвакуация вузов из районов военных действий в тыл (Варшавского университета и Высших женских курсов – в Ростов-на-Дону, Варшавского ветеринарного института – в Новочеркасске), а впоследствии массовая миграция из революционных столиц, как потенциальных студентов, так и научной интеллигенции, привели к своеобразному вузовскому буму.

В годы Гражданской войны научная интеллигенция, так или иначе, взаимодействовала со сменявшимися друг друга антисоветскими и советскими органами власти и управления. Это было неизбежно, учитывая необходимость решать насущные вопросы жизнедеятельности вузов и научных учреждений. Отдельные ученые работали в правительственных структурах. Например, автор учебных пособий и популярных книг по истории М.Н. Коваленский весной-летом 1918 года возглавлял секцию внешкольного образования Совета народного образования г. Майкопа Кубанской области [2]. После временного падения Советов Коваленский заведовал отделом дошкольного и внешкольного образования Ведомства народного просвещения Кубанского краевого правительства [3]. Затем он стал профессором советского, созданного в 1920 году Кубанского университета.

В период правления «белого» и казачьих правительств профессора различными способами, в том числе посредством газетных публикаций, демонстрировали поддержку власти. Донским вузам в 1918-1919 гг. присваивались имена героев антибольшевистского движения (Донской университет имени Помощника Войскового атамана М.П. Богаевского, Донской политехнический институт имени Войскового атамана А.М. Каледина). Образованный в 1919 г. Донской педагогический институт получил имя «павших за освобождение родного края» [4].

Уже на этапе Гражданской войны ученые становились жертвами противостояния и преследования по политическим мотивам. Большой резонанс имели обыски отрядом красноармейцев квартиры физика, профессора Донского университета, кадета А.Р. Колли (по ложному доносу о хранении оружия и бомбы) и последующее его убийство в феврале 1918 г. уличной толпой из солдат, подростков и женщин [5]. Палеограф и фольклорист, бывший царский генерал и будущий ректор Кубанского университета Н.А. Маркс чуть не поплатился в 1919 году жизнью за сотрудничество с большевиками (он возглавлял Отдел

народного образования в Феодосии). Его привезли на суд в Екатеринодар. Спасло Маркса ходатайство поэта М.А. Волошина перед А.И. Деникиным [6].

Однако даже в условиях политической нестабильности 1918-1920 гг. ученые на Юге чувствовали себя более комфортно, чем их коллеги в столицах. Там аресты затронули не только стоявших в явной оппозиции большевикам, но людей, далеких от политики. Поводом могло стать кадетское или «околокадетское» прошлое, нежелательные контакты. М.М. Новиков – в 1919-1920 гг. ректор Московского университета – писал в мемуарах, что «профессора университета находились в постоянной опасности ареста»; хлопоты об освобождении арестованных, как правило, увенчивались успехом, «потому что никаких серьезных обвинений нашим профессорам предъявить было нельзя» [7]. Арестовывались (и часто освобождались после апелляции М. Горького и других влиятельных лиц) и представители высшей научной элиты. Описывая в письме то время, академик, непреременный секретарь Академии наук с 1904 по 1929 г., в 1917 г. – министр народного просвещения Временного правительства С.Ф. Ольденбург упоминал о об обысках первых советских лет («у нас их было 6»), арестах, хлопотах в ЧК, «переживаниях с уводом на расстрел соседей по камерам» во время пребывания в тюрьме и резюмировал: «думаю, что самому умереть легче» [8].

С установлением советской власти на Юге России в начале 1920 г. многие ученые, особенно проявлявшие общественную активность в период «контрреволюции», не исключали возможности, а порой и ожидали репрессивные акции со стороны нового руководства. «Я ожидал, что с водворением их (большевиков – А.Е.) власти меня постигнут те или иные репрессии, и внутренне был готов к этому – надо же расплачиваться за проигранную игру» – вспоминал В.А. Мякотин [9]. В 1918-1919 гг. он был одним из руководителей Союза возрождения России, публиковал антибольшевистские статьи в прессе, в т.ч. в екатеринодарской газете «Утро Юга». Будущий пассажир «философского парохода» был удивлен тем, что в первые месяцы большевистского правления по отношению к нему «никаких репрессий не было»; никто не препятствовал его трудоустройству. Объяснял В.А. Мякотин это наличием «у новой власти <...> других, более выгодных объектов для преследования» и отсутствием «личных счетов» с представителями власти [10]. Только в конце 1920 г. по решению Верховного революционного трибунала его арестовали и препроводили из Екатеринодара в Москву.

Научную интеллигенцию активно трудоустроивали, помимо вузов, в многочисленные структуры отделов народного образования. Находящихся на государственной службе освобождали от реквизиции и трудовой повинности по очистке улиц. Все это документально подтверждалось удостоверениями.

Несмотря на относительное спокойствие первых месяцев, тревожные настроения среди научной интеллигенции имели место. Ведь в городах действовала «чрезвычайка»; начали арестовывать, а нередко и расстреливать лиц, служивших в «белой» армии, «буржуев». Жителей городов регистрировали; им были выданы подробные опросные листы. Анкеты получили госслужащие и сотрудники государственных учреждений, в т.ч. образовательных и научных. В анкете имелись специальные пункты о социальном происхождении, членстве в партиях, участии в Февральской и Октябрьской революциях, деятельности в 1917-1920 гг., службе в царской и «белой» армиях.

Как писал В.А. Мякотин, «такого рода анкеты повторялись и потом довольно часто. Помнится, за шесть месяцев своего пребывания в Екатеринодаре при большевиках, я должен был раза три-четыре подобные анкетные листки. Не знаю уж, кто находил время их читать» [11].

Необдуманный, т.е. честный и исчерпывающий ответ на какой-либо из «неудобных» вопросов мог привести к серьезным последствиям. Л.Б. Твелькмейер вспоминала события лета 1920 г.: «В одну ночь были арестованы все бывшие дворяне, мы попали в эту категорию, бывшие военные, и “не вовремя приехавшие”, т. е. прибывшие в Екатеринодар во время белых. Перед этим были всеми заполнены соответствующие анкеты, которым мы не придали значения. Ночью нас поднял с постелей громкий стук в дверь, вошло несколько вооруженных людей, нам велели сесть вокруг стола и руки положить на стол, затем стали разбирать наши вещи, оставляя нам всего по норме, маленькую кучку, а остальное все

сложили в чемоданы. Нам объявили, что мы с папой арестованы <...> а квартира будет заселена рабочей семьей» [12].

Значительная часть ученых относилась к категории «не вовремя приехавших». В ответе на вопрос о деятельности в 1917-1920 гг. они акцентировали ее научную и образовательную составляющую и «забывали» указать что-то иное, несмотря на предупреждение на анкетном бланке о том, что «лица, неправильно заполнившие анкету, по проверке будут привлечены к строгой ответственности». Например, в анкете, подписанной 10 октября 1922 г. к тому времени уже пережившим арест краснодарским профессором Э.П. Цытовичем [13], не было сообщено о том, что советский преподаватель – бывший учитель физики и арифметики у Августейших детей. Он указал, что до революции преподавал в столичном Технологическом институте, в реальном училище в Царском (Детском) Селе и давал частные уроки. Отсутствовало упоминание о недавней деятельности Э.П. Цытовича в качестве руководителя Ведомства народного просвещения Кубанского краевого правительства. Он утверждал, что в это время продолжал заниматься исключительно педагогической деятельностью [14].

Заметим, что пребывание на Юге в годы Гражданской войны долгие десятилетия было почти постыдной страницей биографии, которую пытались как-то оправдать. Академик К.Н. Скрябин, работавший в 1917-1920 гг. в Донском ветеринарном институте, писал во второй половине 1960-х гг. в воспоминаниях «Моя жизнь в идеях и действиях (1917-1927)»: «Я старался целиком уйти в науку и не касаться той грязной, враждебной мне жизни, что шла за окнами нашего института» [15]. А в начале 1920-х гг. об этом предпочитали просто лишиться раз не упоминать. Профессор П.Н. Чирвинский писал А.Е. Ферсману в апреле 1921 г. в ответ на его просьбу осветить деятельность южнороссийских геологов в революционные годы: «Статьику о нашей работе в Новочеркасске и условиях ее можно бы, конечно, написать. Но изобилие фигур умолчания, что необходимо должно быть правду сказать, отбивает охоту браться за нее» [16].

Серьезным фактором риска для профессоров была позиция части студентов, в основном коммунистов. Секретарь комячейки Краснодарского политехнического института (КПИ) сообщал в Главпрофобр (Главное управление профессионального образования) о том, что преподаватели выступали против рабфака, отказывались петь «Интернационал» на собрании коллектива. В письме приводились высказывания профессоров, не принимавших «эксперименты этого сумасшедшего класса, стоявшего у власти» [17]. Новочеркасские студенты-коммунисты в послании Центральному бюро коммунистического студенчества называли вузовскую профессию «безусловно реакционной» [18].

Именно студенческая комячейка Донского университета, как указывает историк О.М. Морозова, были причастны к аресту и последующему расстрелу 1 августа 1920 г. приват-доцента, эпидемиолога А.Н. Успенского, профессоров невропатолога А.А. Жандра, физиолога З.В. Гутникова. Их обвинили в устной и литературной агитации против советской власти, в том, что «их ученый труд был направлен на унижение и подавление трудящихся». После первого ареста последовало освобождение (в результате ходатайства коллег и студентов); во время второго ареста не помогло даже вмешательство ректора. Тем более что параллельно комячейка направила протест по поводу хлопот об освобождении арестованных профессоров: «Лиц же желающих взять на поруки этих контрреволюционеров подвергнуть той же участи, как соучастников и заступников» [19].

Четвертым в списке расстрелянных ученых почти чудом не стал известный теоретик права, профессор Донского университета, видный деятель кадетской партии И.А. Малиновский. В годы Гражданской войны он короткое время возглавлял Управление народного просвещения в деникинском правительстве, организовал издательство «Единение», обеспечивавшее школы и вузы столь дефицитной в то время учебной литературой, выступал со статьями, в т.ч. антибольшевистского содержания, в прессе. Как утверждает биограф И.А. Малиновского С.А. Плева, профессор после ареста настойчиво отрицал свою «буржуазность» и враждебность к новой власти (в пользу чего свидетельствовали младшие служащие университета – курьеры, садовник, швейцар), за него поручились более десяти членов РКП (б), занимавших ответственные должности в советских учреждениях. Председатель профсоюза работников просвещения А.А. Воскресенский обратился с просьбой об освобождении профессора к Наркому просвещения

А.В. Луначарскому, а дочь И.А. Малиновского написала письмо Н. К. Крупской. В итоге высшая мера наказания была заменена лагерным сроком [20].

Вероятно, в связи с делом И.А. Малиновского информация об усердии донской ЧК в отношении профессоров Донского университета дошла до Наркомпроса. Донской исполком и вузы получили распоряжение, датированное 20 августа 1920 г. за подписью А.В. Луначарского следующего содержания: «На основании постановления ВЧК об аресте каждого служащего того или другого Народного Комиссариата в самой столице органы ЧК обязаны сообщить Наркому в течение 24 часов. Полагая, что профессора высших учебных заведений во всей России являются, во всяком случае, не менее важными работниками просвещения, чем любой служащий столицы, прошу Вас принять к исполнению следующее правило – в случае ареста кого-либо из профессоров Донского университета сообщать об этом мне по телеграфу и на основании общего правила, данного ВЧК, освобождать профессоров и преподавателей на поруки не менее, чем двух членов центральной Комиссии, в случае если соответствующее заявление за их подписями будет сообщено мне по телеграфу. Прошу Вас сообщить об этом всем органам ЧК» [21]. Интересно, что в это же время Нарком просвещения лично прибыл на Дон, участвовал, в частности, в разгрузке тюрем, в одной из которых и встретил И.А. Малиновского. В отчете В.И. Ленину А.В. Луначарский сообщал: «27 числа днем я устроил последний прием, посвященный главным образом выяснению дел народного образования, стараясь в то же самое время пресечь очень большую волну лиц, потянувшихся ко мне с просьбами о всякого рода помиловании, узнав о моей работе в тюрьме» [22].

Насколько письмо и приезд А.В. Луначарского возымели силу, – с уверенностью сказать сложно. Возможно, это лишь обеспечило небольшую передышку, совпавшую с началом 1920-1921 учебного года и разгромом десанта Врангеля. В дневниковых записях Е.Г. Арциховской читаем: «В ноябре (1920 г. – А.Е.) после массовых обысков в Ростове, напуганные новочеркасские обыватели со страхом ожидали у себя того же. Т. к. “буржуазия” в Ростове понималась очень широко, и весь город был подвергнут обыскам, то местная профессура решила обратиться в исполком с просьбой исключить ее из сети предполагаемых обысков» [23]. Здесь же приведен официальный ответ на данную просьбу от 21 декабря 1920 г. за подписями временно исполняющих обязанности председателя Новочеркасского исполкома и секретаря: «Ректору сельскохозяйственного института за № 5224. В виду Вашего ходатайства об исключении служащих из сети обысков, Окрисполком сообщает, что никаких обысков производить не предполагается и выступления, подобные Вашему, Окрисполком считает неуместными» [24].

Однако, вопреки официальным заверениям, обыски стали происходить повсеместно. Слухи о них доминировали в информационном поле Новочеркасска (небольшого города, но при этом крупного вузовского центра) на рубеже 1920-1921 гг. «Утром 2 января жена библиотекаря сельскохозяйственного института рассказала об обысках». Вероятно, рассказ был впечатляющим. 3 января 1921 г. Е.Г. Арциховская констатировала: «Сегодня у нас в семье из восьми человек трое ночью видели во сне обыски» [25].

В записях Е.Г. Арциховской описаны обыски у коллег ее мужа, различные модели поведения обыскивающих и обыскиваемых. Например, «к профессору К. пришли на рассвете», но узнали, что «он профессор и преподаватель и ничего не взяли». У другого профессора «взяли все костюмы, оставили только тот, что был на нем». «У профессора Ч. (возможно, П.Н. Чирвинского – А.Е.) взяли очень много. Бывшая на обыске женщина <...> заставила жену его раздеться, даже снять белье, распусть волосы» [26].

Со всеми деталями Е.Г. Арциховская воспроизвела рассказ «m-me P», описавшей обыск в доме профессора Б. с его слов: «Особенно лютовала девица одна коммунарка <...>. Смотрит <...> на кусок свинца, на нем написано Plumbum. Спрашивает: “Это серебро?”. Б. говорит: “Серебро”. “Что же вы его не сдали. Мы его возьмем”. “Не возьмете” - говорит. “Как не возьмем?” “Да так, посмотрите, что на нем написано”. Взяла девица, вертела, прочесть не может. “Что написано?” “Plumbum” – говорит профессор. Девица растерянно смотрит, говоря “А-а” и кладет кусок на стол. Полезла, снимает часы столовые, смотрит, что за ними. А Б. ей: “А вон еще и гвоздь”. “Так что гвоздь?”. Профессор намекнул, что за ним может быть спрятано нечто существенное, а когда «коммунарка» стала производить поиски, предупредил: «Не найдете. Я золото далеко зарыл, ни за что вам не найти». «Хотела девица

в погреб лезть обыскивать, а усталые солдаты говорят “Ну еще! Чего там в погребе есть”. А Б. ей: “Пойдемте, я вас провожу в погреб”. Она ему: “Я с вами не пойду”. А он: “Я вам гарантирую безопасность. Могу поклясться, что вами не прельщусь”. Б. довел девицу до белого каления. Она говорит: “Я вас арестую”. А он ей: “Нет. Смею уверять, что не арестуете”. “Я вас в чрезвычайку посажу”. “Я уже там был, не боюсь, мне и там хорошо будет, а вот вам там не очень”. “Почему мне?” “Вспомните недавние обыски <...>. Большинство тех, кто их делали, расстреляли” (действительно недавно был процесс, обвинивший члена чрезвычайки в грабеже, насилии <...>)» [27].

В повести «Страшный год» Е.Г. Арциховская описала обыск в своей семье. Его производила ЧК проходящей через город дивизии (особые отделы по борьбе со шпионажем и контрреволюцией в частях Красной Армии существовали с февраля 1919 г.): «Дымовы были разбужены ночью громким стуком в парадные двери <...>. Простукивали стены, ощупывали, осматривали постели, переворачивали матрацы <...>. Всюду с ожесточением рылись». В составленную по итогам обыска опись ценных вещей вошли пианино, граммофон, пишущая машинка и... 5 пудов свеклы, полученной дочерьми Дымовых–Арциховских за уборку овощей на общественном огороде [28].

Сценарий обысков были практически стандартным. Целью большинства из них была конфискация ценных вещей, «излишков» одежды, предметов быта, жилплощади. Один костюм, две смены белья, пальто, пара обуви считались достаточным комплектом для нормальной жизни. Перешагнувший семидесятилетний рубеж профессор КПИ, известный математик А.И. Пароменский в ноябре 1920 г. в рамках «ущемления буржуазии» лишился непромокаемых сапог и итоге получил двустороннее воспаление легких. Пошив новых сапог вне очереди стал предметом переписки профессора, ректора и профсоюза работников просвещения [29].

Конфискованное жилье или излишки площади опечатывались вместе с утварью, часто – с книгами и рукописями; одежда и другие предметы вывозились на склад. Реже (как, например, у И.А. Малиновского) искали литературу антибольшевистского содержания и другие доказательства нелояльности. Иногда лишь изучались жилищные условия «профессоров-буржуев» на предмет потенциального уплотнения или конфискации. Крупный специалист по строительной механике и железобетонным конструкциям (его учебники издавались и до, и после революции), профессор КПИ И.С. Подольский писал в ноябре 1921 г. ректору о невозможности работать «ввиду полного изнурения от хронической голодовки» вследствие многомесячной невыплаты зарплаты «за свой тяжелый умственный труд». Он также сообщал следующее: «На мое здоровье много повлияло постоянное огорчение и нервное расстройство от разных “обследователей квартир”, которые в течение двух недель не давали мне покоя, являлись чуть ли не ежедневно, и постоянно угрожали выбросить меня с семьей на улицу» [30]. Интересно, что ректор, пересылая письмо И.С. Подольского в вышестоящие инстанции, сопроводил его только комментарием по поводу пятимесячной невыплаты зарплаты профессорам [31].

Почвовед, профессор КПИ А.А. Ярилов, встречавшийся с В.И. Лениным в конце XIX века, во время его Минусинской ссылки, описал подробности обыска 24 марта 1921 г. в письме, адресованном непосредственно председателю Совнаркома. Профессор сообщал об изъятии Чрезвычайным штабом по ущемлению, уплотнению и выселению буржуазии всего имущества, «вплоть до игрушек больной (на костылях) дочери и бинтов больной же жены», а также рукописей научных работ [32]. По телеграмме В.И. Ленина решением Кубано-Черноморского исполкома вещи были возвращены.

В свидетельствах Е.Г. Арциховской и других современников воспроизведены тактики поведения профессоров в процессе обыска: преобладающее – покорное (по крайней мере, внешне) подчинение и сопротивление. В случае с профессором Б. (возможно, данный случай был исключением) сопротивление включает, с одной стороны, элемент активной защиты и «контрнаступления», с другой – иронического выражения эмоций. Статус производящих обыск меняется – из вершителей закона от имени новой власти они превращаются в объект насмешки и потенциально возможную жертву этой власти.

После обыска практически всеми пострадавшими предпринимались действия, направленные на возвращение конфискованного полностью или частично.

Обыски, конфискация имущества, аресты в 1920-1921 гг. стали элементом повседневной жизни, в т.ч. научной интеллигенции. Сообщение об арестах коллег часто фигурировало в качестве внеочередного вопроса на заседаниях ученых советов вузов. Многие профессора (тот же Б.Л. Розинг) пережили арест не единожды.

О нормализации в сознании интеллигенции такого рода аномальных явлений рассуждал в воспоминаниях В.А. Мякотин. Он состоял на службе в Архивной комиссии, где работали в основном профессионалы, «либо совершенно безразлично относившиеся к политике, либо по своим политическим взглядам скорее враждебные большевикам» (среди членов комиссии были известный на Северном Кавказе библиограф Б.М. Городецкий, брат поэта С.М. Городецкого, профессор-историк М.В. Ключков, бывший архивариус Кубанского казачьего войска И.И. Кияшко и др.). Мемуарист описал «по существу очень мелкий, и тем не менее очень характерный эпизод». «Как-то в заседании комиссии один из ее членов стал говорить, что в Екатеринодаре есть немало лиц, у которых имеются целые собрания документов, могущих представить в будущем немаловажную ценность для историка, что в переживаемое нами смутное и трудное время эти документы, оставаясь в частных руках, могут легко пропасть, и что поэтому комиссии следовало бы озаботиться принятием мер к реквизиции всех таких собраний и сосредоточении в казенных архивах. К глубокому моему удивлению, остальные члены комиссии не возражали». В.А. Мякотин возразил, мотивируя тем, что «отбирание документов не к лицу архивным деятелям», можно «предложить свои услуги для хранения». Аргументы убедили коллег. «Этот мелкий сам по себе эпизод лишней раз показал мне, как легко порою в той атмосфере бесправия и безгласности, какая создана была большевиками, психология и приемы последних усваивались даже людьми, казалось бы, достаточно далекими от них по своим взглядам» – подытоживал В.А. Мякотин [33].

Делопроизводственные документы вузов и ревкомов свидетельствуют о том, что репрессивные акты по отношению к вузовским преподавателям не оставались без внимания коллег и администрации. Ректоры ходатайствовали об освобождении, смягчении наказания, мотивируя свою просьбу высокими профессиональными качествами обвиняемого, его незаменимостью для ведения учебного процесса и отстраненностью от политики (по крайней мере, в последние годы).

Типичный пример в этом отношении – дело преподавателя Донского института народного хозяйства (ДИНХ) Л.И. Шишенкова, арестованного Донской ЧК 5 ноября и освобожденного 21 ноября 1921 г. Все арестованные 5 ноября, по заверению следователя, подлежали высылке на Север [34]. Ректор института П.И. Лященко – блестящий экономист, впоследствии член-корреспондент АН СССР – написал Уполномоченному Юго-Восточного Главпрофобра письмо с изложением собственных соображений по этому поводу:

«Л.И. Шишенков уже несколько лет занимает в ДИНХ должность преподавателя, читает ответственный курсы на нескольких отделениях: “Экономию торговли”, “Историю торговли”, “Экономию путей сообщения” и “Политическую экономию”. Кроме того, Шишенков заведует фундаментальной библиотекой Института и занят в настоящее время усиленной работой по ее организации, наконец, Шишенков является Секретарем Совета Института.

Все изложенное свидетельствует, что высылка Шишенкова поставила бы ДИНХ в чрезвычайно затруднительное, даже безвыходное положение, совершенно расстроив преподавание по указанным предметам.

В политическом отношении мне доподлинно известно, что Шишенков никогда не был активным политическим работником и с 1918 г. занят исключительно академической работой. В 1917-1918 был избран членом Ростовской-на-Дону городской Управы по списку партии народных социалистов, но участвовал в партийной жизни исключительно под углом зрения деловой коммунальной работы, которая его интересовала как ученого экономиста. Активной политической работы ни в партии, ни в событиях гражданской войны на Дону Шишенков не вел.

Свидетельствую об этом на том основании, что деятельность Шишенкова за последние годы как молодого ученого экономиста, работавшего под моим руководством, все время была у меня на виду.

Принимая во внимание изложенное, а также то, что Шишенков для ДИНХ является совершенно незаменимым работником, покорнейше прошу Вас в интересах

Высшей школы возбудить перед соответствующими властями ходатайство об отмене высылки Шишеникова» [35].

В тексте – продуманном до деталей и логичном – ректор превентивно ответил на все возможные «неудобные» с политической точки зрения вопросы. В итоге, его поддержал руководитель Главпрофобра письмом на имя председателя Исполкома. Ссылку отменили.

Необходимость выполнения профессиональных обязанностей была главным аргументом в прошениях о возвращении жилплощади и конфискованных вещей, составлявшихся как самими пострадавшими, так и компетентными «заступниками». Уполномоченный Кубано-Черноморского областного комитета Профобра в письме от 4 апреля 1921 г. в областной исполком сообщал, что после пребывания под арестом с 20 по 28 марта квартира профессора Б.Л. Розинга «остается опечатанной, а имущество его и его семьи, в том числе предметы первой необходимости (кровати, мебель, домашняя утварь, носильное платье) конфискованными. Согласно поданному им рапорту, он находится в положении, исключающем возможность выполнения им работы и обязанности, связанные с занимаемой им должностью». Комитет Профобра просил о разрешении Б.Л. Розингу как председателю Северо-Кавказского техникума и профессору милитаризованного КПИ вселиться в занимаемое им раньше помещение и о возвращении ему конфискованного имущества. Ходатай отметил также, что профессор, не принадлежавший ни к одной политической партии, переселился на Кубань с семьей «до Октябрьского переворота», что он не только ценный преподаватель и ученый, но и организатор образования (стоял у истоков КПИ, был его проректором и деканом) и науки (председатель Краснодарского физико-математического общества) [36].

Упомянутый выше профессор Э.П. Цытович после обыска, ареста и освобождения в марте 1921 г. в письме заведующему Облпрофобра тоже сделал акцент на том, что «не имея пристанища, проводя половину дня в хлопотах по возвращению комнаты и имущества, но пока без видимых результатов» он «лишен возможности продолжать свои учебные занятия». Э.П. Цытович также отметил, что конфискованное имущество было «заработано личным трудом» [37].

Заключение

Обыски с конфискацией имущества и аресты в начале 1920-х гг. стали составляющими повседневной жизни научной интеллигенции Юга России, как и других территорий страны. Недавняя профессиональная, а порой и политическая деятельность ученых изучаемого региона, бывшего оплотом антибольшевистских сил в годы Гражданской войны, являлась одним из важных факторов риска (наряду с общим курсом на «ущемление буржуазии» и других «классово чуждых»), делала репрессии ожидаемыми и давала власти дополнительный обвинительный ресурс в отношении «не вовремя приехавших».

К превентивным практикам сопротивления репрессиям можно отнести собственно профессиональную деятельность в государственных учреждениях, стремление обезопасить себя разного рода документами, а также «редактирование» собственных биографий, особенно недавнего прошлого, в анкетах. Все это срабатывало лишь в отдельных случаях.

Репрессивные акты по отношению к научной интеллигенции не оставались незамеченными со стороны коллег и руководства. Они незамедлительно включались в процесс оказания помощи, рассылая ходатайства в компетентные органы. Просьбы об освобождении, смягчении наказания, возвращении имущества и т.д. мотивировались высокими профессиональными качествами ученого, его незаменимостью для полноценного учебного процесса, движения вперед науки, лояльностью власти. И сами жертвы репрессий в прошениях делали упор на необходимость выполнения ими профессиональных обязанностей, направленных на благо общества.

«Чтение молчания» исторических источников с целью реконструкции «запрета на обсуждение определенных переживаний» (Б. Розенвейн) приводит к выводу о наличии своеобразных эмоциональных стандартов, табуированных в публичном дискурсе тем. Прежде всего, это правовая и этическая оценка репрессивных действий по отношению к ученым, их последствия. Она присутствовала лишь латентно (например, этическая оценка – в письме А.А. Ярилова В.И. Ленину). Данные темы поднимались позже в текстах, в т.ч. мемуарных, не предназначенных для советских издательств и, разумеется, в приватной

коммуникации. Единственный доступный нам источник такого рода – записанный Е. Арциховской рассказ профессора Б. в интерпретации m-me P. Он демонстрирует отвращение и презрение к представителям новой власти; эффект еще больше усиливается имитацией покорности, даже услужливости при явном издевательстве над необразованностью вершителя закона.

Будущее показало, что репрессивные действия начала 1920-х гг. были лишь одним из этапов в деле советской «перековки» ученых. Тогда они чувствовали себя относительно защищенными, видя реальную опору в лице членов научного сообщества и отдельных чиновников. Уже следующий виток репрессий (рубеж 1920-х – начало 1930-х гг.) стал значительно трагичнее первого, в том числе для персонажей данной статьи – Б.Л. Розинга, П.Э. Цытовича, П.Н. Чирвинского и многих их коллег.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 14-01-00239 «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920-1930-х годов в ракурсе культурной истории эмоций».

Примечания:

1. Rosenwein В.Н. Problems and Methods in the History of Emotions [Электронный ресурс] // Passions in Context: International Journal for the History and Theory of Emotions. 2010. № 1. URL: <http://www.passionsincontext.de/index.php?id=557> (дата обращения: 15. 09. 2015)
2. Культурное строительство на Кубани (1918–1941). Сб. документов. Краснодар, 1978. С. 26.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р 6. Оп. 2. Д. 45. Л. 6.
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 527. Оп. 1. Д. 47. Л. 132.
5. Решетова Н.А. Жизнь и гибель профессора Колли // Донской временник. Год 1994. Ростов-на-Дону, 1993. С. 70-74.
6. Солодкая М.Б. Он стоял у истоков Кубанского университета (очерк жизни известного ученого Н.А. Маркса) // Голос минувшего. 2011. № 1-4. С. 5-15.
7. Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 123.
8. «Молчать долее нельзя...» (из эпистолярного наследия академика С.Ф. Ольденбурга) / Публ. и прим. М.Ю. Сорокиной [Электронный ресурс] // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. №3. С. 109-119. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/oldenburg.htm> (дата обращения: 15. 01. 2016).
9. Мякотин В.А. Из недалекого прошлого (Отрывки воспоминаний) // На чужой стороне. 1925. № XIII. С. 205.
10. Там же.
11. Там же. С. 204.
12. Твелькмейер Л.Б. Мой отец и его окружение // Нестор № 12. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Русская жизнь в мемуарах. Из семейных архивов. СПб, 2008. С. 91.
13. См.: Рожков А.Ю., Пасилецкая А.С. «Большой эрудиции и большого опыта»: биографическое эссе о профессоре Э.П. Цытовиче // Голос минувшего. 2015. № 3-4. С. 180-201.
14. ГАКК. Ф. Р 229. Оп. 1. Д. 30. Л. 26.
15. ГАКК. Ф. Р 229. Оп. 1. Д. 30. Л. 13.
16. Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 544. Оп. 8. Д. 526. Л. 39-39 об.
17. Куценко И.Я. Кубанский государственный технологический университет. История и современность. Краснодар, 1999. С. 100
18. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 60. Д. 494. Л. 79.
19. Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д, 2010. С. 127.
20. См.: Плева С.А. Мечтал о культурной и правовой России. Иоанникий Алексеевич Малиновский // Донской временник. 2008. №3. Ростов н/Д, 2007. С. 99–102.

21. ГАРО. Ф. Р 50. Оп. 1. Д. 10. Л. 24-24 об.
22. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. М., 1971. С. 468.
23. АРАН. Ф. 1503. Оп. 1. Д. 206. Л. 117-117 об.
24. АРАН. Ф. 1503. Оп. 1. Д. 206. Л. 117 об.
25. АРАН. Ф. 1503. Оп. 1. Д. 206. Л. 89.
26. АРАН. Ф. 1503. Оп. 1. Д. 206. Л. 86-87.
27. АРАН. Ф. 1503. Оп. 1. Д. 206. Л. 106 об.-107.
28. АРАН. Ф. 1503. Оп. 1. Д. 139. Л. 199.
29. ГАКК. Ф. Р 365. Оп. 1. Д. 933. Л. 355.
30. ГАКК. Ф. Р 365. Оп. 1. Д. 933. Л. 408.
31. ГАКК. Ф. Р 365. Оп. 1. Д. 933. Л. 407.
32. Куценко И.Я. Кубанский государственный технологический университет. История и современность. С. 91-93.
33. Мякотин В.А. Из недалекого прошлого (Отрывки воспоминаний). С. 206-207.
34. ГАРО. Ф. Р 50. Оп. 1. Д. 9. Л. 316.
35. ГАРО. Ф. Р 50. Оп. 1. Д. 9. Л. 317-317 об.
36. ГАКК. Ф. Р 365. Оп. 1. Д. 933. Л. 73-73 об.
37. Цит. по: Рожков А.Ю., Пасилецкая А.С. «Большой эрудиции и большого опыта»: биографическое эссе о профессоре Э.П. Цытовиче. С. 192-193.

References:

1. Rosenwein В.Н. Problems and Methods in the History of Emotions [Elektronnyj resurs] // Passions in Context: International Journal for the History and Theory of Emotions. 2010. № 1. URL: <http://www.passionsincontext.de/index.php?id=557> (data obrashhenija: 15. 09. 2015)
2. Kul'turnoe stroitel'stvo na Kubani (1918–1941). Sb. dokumentov. Krasnodar, 1978. S. 26.
3. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja (GAKK). F. R 6. Op. 2. D. 45. L. 6.
4. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (GARO). F. 527. Op. 1. D. 47. L. 132.
5. Reshetova N.A. Zhizn' i gibel' professora Kolli // Donskoj vremennik. God 1994. Rostov-na-Donu, 1993. S. 70-74.
6. Solodkaja M.B. On stojal u istokov Kubanskogo universiteta (oчерk zhizni izvestnogo uchenogo N.A. Marksa) // Golos minuvshogo. 2011. № 1-4. S. 5-15.
7. Novikov M.M. Ot Moskvy do N'ju-Jorka. Moja zhizn' v nauke i politike. N'ju-Jork, 1952. S. 123.
8. «Molchat' dolee nel'zja...» (iz jepistoljarnogo nasledija akademika S.F. Ol'denburga) / Publ. i prim. M.Ju. Sorokinoj [Elektronnyj resurs] // Voprosy istorii estestvoznaniya i tehniki. 1995. № 3. S. 109-119. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/oldenburg.htm> (data obrashhenija: 15. 01. 2016).
9. Mjakotin V.A. Iz nedalekogo proshlogo (Otryvki vospominanij) // Na chuzhoj storone. 1925. # XIII. S. 205.
10. Tam zhe.
11. Tam zhe. S. 204.
12. Tvel'kmejjer L.B. Moj otec i ego okruzhenie // Nestor # 12. Zhurnal istorii i kul'tury Rossii i Vostochnoj Evropy. Russkaja zhizn' v memuarah. Iz semejnyh arhivov. SPb, 2008. S. 91.
13. Sm.: Rozhkov A.Ju., Pasileckaja A.S. «Bol'shoj jerudicii i bol'shogo opyta»: biograficheskoe jesse o professore Je.P. Cytoviche // Golos minuvshogo. 2015. #3-4. S. 180-201.
14. GAKK. F. R 229. Op. 1. D. 30. L. 26.
15. GAKK. F. R 229. Op. 1. D. 30. L. 13.
16. Arhiv Rossijskoj Akademii nauk (ARAN). F. 544. Op. 8. D. 526. L. 39-39 об.
17. Kucenko I.Ja. Kubanskij gosudarstvennyj tehnologicheskij universitet. Istorija i sovremennost'. S. 100
18. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii. F. 17. Op. 60. D. 494. L. 79.
19. Morozova O.M. Cari, kazaki, krasnye komandiry... Sem' oчерkov v zhanre istoriko-psihologicheskogo portreta. Rostov n/D, 2010. S. 127.
20. Sm.: Plema S.A. Mechtal o kul'turnoj i pravovoj Rossii. Ioannikij Alekseevich Malinovskij // Donskoj vremennik. 2008. № 3. Rostov n/D, 2007. S. 99–102.
21. GARO. F. R 50. Op. 1. D. 10. L. 24-24 об.

22. V. I. Lenin i A. V. Lunacharskij. Perepiska, doklady, dokumenty. M., 1971. S. 468.
23. ARAN. F. 1503. Op. 1. D. 206. L. 117-117 ob.
24. ARAN. F. 1503. Op. 1. D. 206. L. 117 ob.
25. ARAN. F. 1503. Op. 1. D. 206. L. 89.
26. ARAN. F. 1503. Op. 1. D. 206. L. 86-87.
27. ARAN. F. 1503. Op. 1. D. 206. L. 106 ob.-107.
28. ARAN. F. 1503. Op. 1. D. 139. L. 199.
29. GAKK. F. R 365. Op. 1. D. 933. L. 355.
30. GAKK. F. R 365. Op. 1. D. 933. L. 408.
31. GAKK. F. R 365. Op. 1. D. 933. L. 407.
32. Kucenko I. Ja. Kubanskij gosudarstvennyj tehnologicheskij universitet. Istorija i sovremennost'. S. 91-93.
33. Mjakotin V. A. Iz nedalekogo proshlogo (Otryvki vospominanij). S. 206-207.
34. GARO. F. R-50. Op. 1. D. 9. L. 316.
35. GARO. F. R-50. Op. 1. D. 9. L. 317-317 ob.
36. GAKK. F. R-365. Op. 1. D. 933. L. 73-73 ob.
37. Cit. po: Rozhkov A. Ju., Pasileckaja A. S. «Bol'shoj jerudicii i bol'shogo opyta»: biograficheskoe jesse o professore Je. P. Cytoviche. S. 192-193.

УДК 94

«К профессору К. пришли на рассвете...»: обыски и аресты в восприятии научной интеллигенции Юга России (начало 1920-х гг.)

Анна Натановна Еремеева

НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Южный филиал,
Российская Федерация
350063 Краснодар, ул. Красная, 28, оф. 28
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: eranna2000@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям эмоционального восприятия репрессивной политики советской власти. Объектом исследования выступает научная интеллигенция Юга России в первые годы после окончания Гражданской войны. Исследование базируется на источниках личного происхождения и делопроизводственных документах, многие из которых – материалы центральных и региональных архивов – впервые вводятся в научный оборот.

Автор воспроизводит как индивидуальные способы предотвращения репрессий, так и солидарные практики защиты ученых, подвергавшихся обыскам с конфискацией имущества и арестам. Особое внимание обращается на содержание обращений в компетентные органы, важное для понимания эмоциональных стандартов научного сообщества начала 1920-х гг.

Ключевые слова: научная интеллигенция, Юг России, 1920-1922 гг., обыски, аресты, эмоциональное восприятие, практики защиты.